

This article is devoted to the insufficiently known explored subject of the material culture tambour as a device of women's manual labour. The article reflects the history of tambour's creation since the ancient times till now and describes in more details the «tambour business» in late 19th – early 20th cc. The author introduces some new materials on several centers of embroidery and considers folk-customs preservation in embroidery.

© 1998 г., ЭО, № 1

Д.К. Ч а ч х а л и а

**АБХАЗСКАЯ СВЯТЫНЯ В СТАРОМ СОЧИ.
О ПОЧИТАНИИ ОЧАЖНОЙ ЦЕПИ
НА КАВКАЗЕ***

В результате возникновения на пространствах бывшей Византии державы османов, и особенно после падения Константинополя в 1453 г., христианство на северо-восточных берегах Черного моря все больше и больше приходило в упадок. Слабость церковной организации, а порой ее полное отсутствие вынуждали людей приспособлять христианское богослужение к новым условиям.

В дни главных праздников – на Рождество, Крещение, Пасху, в дни Успения или Покрова – люди продолжали приходить в опустевшие церкви. В иных деревнях они превращались в развалины. Подавляющее большинство сельских церквей были деревянными, поэтому через определенное время на их месте не оставалось ничего, кроме деревьев, некогда росших в церковной ограде. А к дереву у многих народов, в том числе и у абхазов, было богобоязненное отношение. Тем более оно проявлялось к деревьям, разросшимся на церковных руинах, ибо в христианской традиции это древнейшее верование было связано с Честным Древом. Боголюбивыми и богоносными деревьями абхазы почитали граб (ибо мать Христа, по народному поверью абхазов, была Грабова по фамилии), липу и особенно дуб. Таким образом, на лесных опушках, на вершинах холмов в предгорьях Кавказа возникали своеобразные «воздушные» церкви, невольно возвращавшие людей к обстановке начального христианства.

Выборные «священники» проводили некоторое подобие православного богослужения под сенью вековых деревьев: произносили вариации на темы главных молитв, выслушивали кающихся. Эти вдохновленные импровизаторы и златоусты ценой многолетнего благочестия становились общинными пастырями¹.

В некоторых селах сохранялась какая-либо церковная утварь: хорошо, если икона, а если нет, то кадило или цепь от церковной люстры, старинные серебряные или золотые чаши. Все это развешивалось на ветвях, собиралось к изножью исполинских деревьев. Под шатром этих «патриархов» паства чувствовала себя, как под куполом собора. Да ведь и что есть Храм, если не собрание верующих.

Впоследствии, к XVIII – первой половине XIX в., когда уже во многих селениях не оставалось никаких церковных реликвий, стали приносить различные железные предметы, порой специально приготовленные для ритуальных нужд «поддеревных церк-

* Статья интересна оригинальным взглядом на генезис широко известного у народов Кавказа культа очажной цепи. Однако аргументация автора у многих может вызвать возражения и породить немало контраргументов. Один из них можно почерпнуть уже в авторском тексте: приводимый сюжетный отрывок из абхазского героического эпоса явно свидетельствует о наличии культа очажной цепи у народов Кавказа еще в дохристианский период. Однако у христианизированных народов региона ни в коем случае нельзя отрицать неких христианских переосмыслений древних верований. Исследование этой стороны культуры кавказских народов может представить научный интерес. – *Прим. ред.*

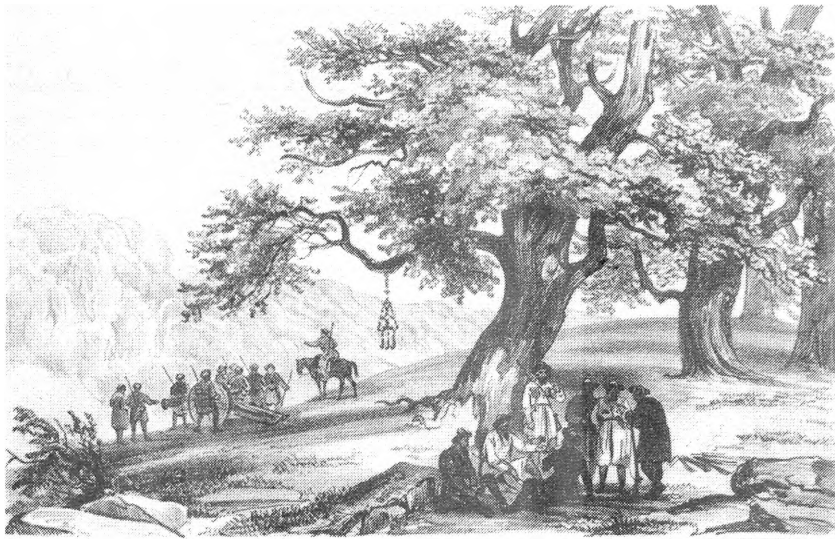

Рис. 1. Абхазское село Архыщна-Аху, 1838 г. (из книги Bell J.S. *Journal d'une residence en Circassie pendant les annees 1837, 1838 et 1839*. P., 1841)

вей». Произведения кузниц свидетельствовали о Божьей воле. Они были связаны с огнем. А Огнем и Светом и был Господь.

Наряду с этими предметами в качестве святыни как в доме, так и на общинных моленях, у ряда кавказских народов порой выступала очажная цепь (абх. – *архыщна*, *архныщна*, *ахнышьвар*²). В героическом эпосе абхазов богатырь Нарджхёу застаёт двух братьев, которые никак не могут поделить унаследованную от отца очажную цепь. Нарджхёу рвет пополам эту цепь и дает каждому по половине³. Когда абхазы хотят подчеркнуть единокровность братьев, прибегают к определению: «Разделившие одну (очажную) цепь». Разумеется, разорванная на две части (как отмечено в эпосе и поговорке) обычная очажная цепь уже не имела бы бытовой пользы. Цепь рассматривается как ценность высшего порядка, необходимая каждому из наследников и потому должна делиться поровну. А святыня, разделенная даже на множество частей, подобно частице Честного Древа, мощам святых или кусочку облачения Богородицы, не теряет своего главного свойства – исцелять и оберегать тех, кто поклоняется ей и молится на нее.

Еще в середине прошлого века в центре абхазского общества Сача (Саша, совр. Сочи) находилась весьма почитаемая святыня. Даже само село носило название *Архыщна-Аху*, что означает в переводе с абхазского «Холм цепи». Село находилось в 5-ти с половиной верстах от морского берега в долине реки Соча-пта, недалеко от усадьбы владетеля – Аублаа Али Ахмета. Участь его печальна: оно было сожжено в 1851 году⁴.

Изображенная на рисунке английского разведчика Д. Белла (1830-е годы) цепь-архыщна висит на одной из нижних ветвей развесистого дуба⁵. Судя по форме архыщна, предназначение ее было исключительно ритуальным. Она сделана в виде треугольника, в который вставлены три креста. Сомневаться в христианской сути этой древней реликвии не приходится. Здесь отчетливо видны главные символы веры: почитание Креста, Иисуса Христа и Святой Троицы.

В этой связи можно утверждать, что вообще многие памятники абхазо-адыгского культа, причисленные к языческим, при близком рассмотрении оказываются непонятными или неверно истолкованными свидетельствами христианства. Так и почитание цепи-архыщны у абхазов, адыгов, осетин и других кавказских народов могло, по нашему мнению, явиться отголоском почитания честных вериг апостола Петра и

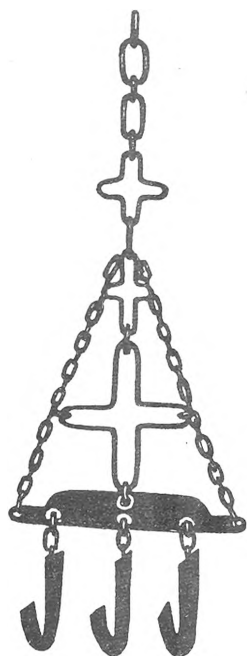

Рис. 2

Рис. 2. Ритуальная архыцна (из материалов автора)

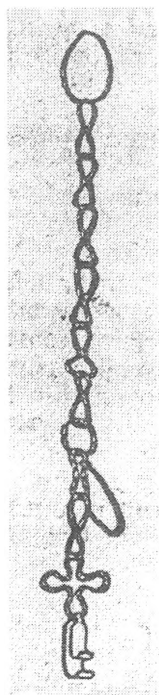

Рис. 3

Рис. 3. Очажная цепь из Ингушетии (из материалов автора)

посвященного ему церковного праздника, который на протяжении многих веков справлялся в многочисленных храмах и соборах православного Кавказа. Апостол Петр по приказанию царя Ирода в середине I в. был заточен в темницу и закован в цепи. Ночью апостола разбудил ангел и вывел святого из темницы. При этом вериги сами упали с рук христоролюбца, как говорится в Деяниях Апостолов (гл. 12, ст. 7).

Этим веригам и суждено было стать великими христианскими святынями. Прикасавшиеся к телу святого, сами вериги стали в глазах верующих обладать святой силой и исцелять болезни. Все прихожане в православных церквях 16 января поклоняются честным веригам апостола Петра. Этот праздник, конечно, был почитаем в христианской Абхазии, Зихии, Алании и других краях Кавказа.

Одна верига апостола Петра находилась в Софийском соборе в Константинополе, а другая – в Риме. Католики поклоняются веригам 1 августа⁶. Следует обратить внимание на то, что Рим и Константинополь, подобно единоутробным братьям из абхазского эпоса, честно разделили святое наследие.

Возможно, что и жители Сочи поклонялись цепи-архыцне на месте бывшей некогда здесь церкви во имя апостола Петра. Не исключено, что генуэзские миссионеры, имевшие в средние века большое политическое и культурное влияние на Западном Кавказе, возобновили здесь почитание вериг, вернее придали этому почитанию большее значение, чем оно имело в прежние времена.

В древней Руси вериги как орудие иноческого смирения появляются в самом начале христианской истории. Уже второй игумен Печерского монастыря Феодосий (+ 1074), будучи юношей, упросил кузнеца выковать ему вериги и носил их под рясой всю жизнь. И цепи эти были так тесны, что вшивались до крови в тело подвижника, причиняя ему страдания и напоминая о страстях Господа Иисуса Христа⁷.

Русские монахи вплоть до новейших времен носили различного рода вериги. После смерти подвижников их вериги хранились и выставлялись в церквях как непреложные

свидетельства аскетических подвигов. Так, вериги св. Никиты (+ 1108) хранились в соборе Софии в Новгороде, вериги преподобного Варлаама (+ 1192) – в Хутынском монастыре, св. Моисея (+ 1362) – в Сквородском монастыре, св. Евфимия (+ 1458) – в Вяжицком монастыре.

Известно ношение цепей даже среди монахинь: близ г. Каширы были найдены вериги, судя по подписи, принадлежавшие «рабе Акулине» (XVII в.). На веригах были выкованы знаки православной символики, надписи, изображения Знамени Богородицы и Двенадцати апостолов.

Самыми значительными по весу и по длине были цепи затворника Ростовского Борисоглебского монастыря преподобного Иринарха (+ 1616). Он присовокупил к своей цепи вериги других христоролюбцев и присоединил еще к ним 42 медных креста. В итоге вериги, которые влачил на себе преподобный, были в двадцать сажень длины и невероятной тяжести⁸.

Цепи-архыщны у абхазов и адыгов нередко употреблялись для нужд исцеления. Став по обе стороны открытого очага, абхазки передавали младенца друг другу, проводя его под очажной цепью⁹. Этот способ исцеления назывался «пронесением под архыщной».

Если в причерноморской Шапсугии хотели уберечь поселок или двор от возможной эпидемии, то священник или старший в фамилии волочил очажную цепь вокруг поселка или усадьбы¹⁰. У очажной цепи примиряли враждующих. Перед архыщной давали слово о конце несприязни, приносили очистительные клятвы.

Абхаз в подтверждение своей невинности прикасался к очажной цепи, принося присягу. «Абри алахь соуааит акры схаразар», – говорил он, что означает: «Пусть меня покарает вот *это*, если я виновен!». Аналогичный обычай существует и у адыгов¹¹. Осетин произносит торжественную клятву «Клянусь очагом!», непременно держась при этом за очажную цепь – *рыхыс*¹². Хранителем очага у осетин считается Сафа, у абхазов – Щашвы¹³. Кажется, оба термина происходят от Софии Премудрости Божией, воплощенной в Христе. Причем связь с огнем и очагом здесь более чем уместна.

Считалось, что ложно данная присяга перед лицом святыни, в том числе и перед очажной цепью, навлекает всевышний гнев не только и не столько на самого лжеца, сколько на его семью, на самых дорогих ему людей из ближнего родства, поэтому к даче таких заверений относились очень ответственно. Нередко случалось, что обвиняемый сразу отказывался давать ложную присягу, признавался в содеянном, призывал авторитетных посредников, одарял своих противников, а то и роднился с ними, чтобы окончательно положить конец вражде и обезопасить себя от возможных преследований в дальнейшем¹⁴.

Настигаемый врагами горец мог вбежать в дом влиятельного человека в Ингушетии и, схватившись за очажную цепь, отдать тем самым себя под покровительство хозяина дома¹⁵. Так преследуемые прибегали к покровительству церкви и иконы.

Таким образом, очаг и цепь над очагом как бы становились алтарем, жертвенником, святыней. Причем некоторые надочажные цепи даже в таких мусульманских краях, как Ингушетия и Чечня, содержали в себе звено (или звенья) с изображением креста.

В осетинском свадебном обряде у очажной цепи совершалось прощание невесты с родительским домом. В доме свекра невесту трижды проводили вокруг очага¹⁶. Такой же своеобразный «крестный ход» с невестой вокруг очажной цепи совершался и на абхазской свадьбе¹⁷. Привод невесты к очагу и очажной цепи был, конечно, неким подобием церковного венчания. Молодая получала благословение «домовой церкви».

У абхазов до недавнего времени одним из сильнейших проклятий было пожелание: «Чтоб вслед за тобой вынесли очажную цепь». Абхазы уже не понимают значения этого проклятия, ибо утратили сам обряд: когда умирал мужчина, не имевший наследников, родственники в день похорон выносили вслед за покойником очажную цепь. Этот обряд сохранился у осетин. Подобные похороны считались самыми бесслав-

ными. Потому и ужасно проклятие, подразумевающее не только смерть противника, но и исчезновение его рода, семени. Так, сестра осетинского поэта Коста Хетагурова Ольга в день похорон своего знаменитого и бездетного брата провожала его в последний путь, перепоюсанная закопченной очажной цепью. Здесь цепь, конечно, выступала символом отрешения от мирской жизни и глубочайшего траура¹⁸.

Если у абхазки умирал младенец-первенец, ей на шею вешали очажную цепь как свидетельство скорби и как средство избавления от подобной участи в дальнейшем¹⁹. А если человека убивала молния, вся семья облачалась в белое, а кто-нибудь из них вешал на себя очажную цепь в знак смирения²⁰.

Любопытно, что и уже давно исповедующая мусульманство абхазская диаспора в Турции до сих пор сохраняет благоговейное отношение к очажным цепям, увезенным еще предками с собой в изгнание. В 1988 г. один из потомков абхазских изгнанников-махаджиров Джемзи Куджба возвратился на землю предков в Абхазию на постоянное жительство. Здесь он женился на местной сухумской абхазке, известной фольклористке Алине Ачба. И как был взволнован весь народ, собравшийся разделить радость молодоженов, когда увидел архыщну, присланную из Турции отцом жениха. Символ был понятен всем: отец благословлял брак сына и завещал разжечь очаг на земле отцов, передавая сыну самое дорогое, семейную святыню – архыщну, которая должна была висеть над новым очагом и оберегать семью.

Итак, поклонение очажной цепи у кавказских народов является наследием христианских верований и христианская их символика очевидна и наглядна; кресты на очажных цепях вместе с очажным огнем являлись знаками Христа – Софии (Сафа – у осетин, Щащвы – у абхазов), Премудрости Божией наряду с другими светоносными символами Спасителя; в обрядах, связанных с врачеванием, очажная цепь выполняла целительные и очистительные функции креста, которым осеняют, который обносят или возлагают; в похоронных обрядах цепь являлась символом христианского иноческого смирения; под покровительство очажной цепи прибегали, как под покровительство иконы, церкви, как под покровительство Господа Бога.

Примечания

¹ О своеобразном порядке проведения таких служб у абхазов-адыгов см.: *Белл Д.* Дневник пребывания в Черкессии в 1837, 1838 и в 1839 годах. Лондон, 1840 // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XVIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 509–512; *А...ъ.* Религиозные верования абхазов // Сборник сведений о кавказских горах. Т. V. Тифлис, 1871. С. 1–32.

² По поводу термина «архыщна» см.: *Чирикба В.А.* К германо-западнокавказским лексическим параллелям // Изв. Абхазского ин-та языка, литературы, истории (далее – АИЯЛИ). Вып. XVI. Тбилиси, 1988. С. 125–126; *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 3. М.: Л. 1979. С. 396–397.

³ *Нарт Сасыркуси* 99-льк иашьц. си. Акуа, 1962. С. 188–189.

⁴ *Солтан В.* Военные действия в Кубанской области с 1861-го по 1864-й годы (походные записки) // Кавказский сборник. Т. 5. Тифлис, 1881. С. 32–33.

⁵ *Bell J.S.* Journal d'une residence en Circassie pendant les annees 1837, 1838 et 1839. P., 1841.

⁶ Поклонение честным веригам св. апостола Петра // *Жития Святых святителя Дм. Ростовского*, янв., день 16-й. М., 1904.

⁷ *Житие преподобного Феодосия Печерского* // *Жития Святых*, май, день 3-й. М., 1908.

⁸ *Троцкий Н.* Лицевые вериги и их значение // *Археологические известия и заметки*. Т. V. М., 1897. С. 310–314.

⁹ *Акаба Л.Х.* О пережитках древнейших верований в культе кузницы у абхазов // Изв. АИЯЛИ. Вып. 2. Тбилиси, 1973. С. 174–175.

¹⁰ *Гурвич И.С.* Религия сельской общины у черкесов-шапсугов // *Религиозные пережитки у черкесов-шапсугов*. М., 1940. С. 43; *Смирнова Я.С.* О некоторых религиозных пережитках у причерноморских адыгейцев // *Советская этнография*. 1963. № 6. С. 43; *Лавров Л.И.* Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // *Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований*. Тр. Ин-та этнографии. Т. 51. М., 1959. С. 207.

¹¹ *Джанашия Н.С.* Статьи по этнографии Абхазии. Сухуми, 1960. С. 75; *Шиллинг Е.М.* Абхазы // *Религиозные верования народов СССР* (далее – РВН). Т. 2. М.: Л., 1931. С. 65; *Меретуков М.А.* Культ

очага у адыгов // Уч. зап. Адыгейского научно-исследовательского ин-та языка, литературы, истории. Т. VIII. Этнография. Майкоп, 1968. С. 305–315.

¹² Плисецкий М.С. Осетины (исторический очерк) // РВН. Т. 2. М.; Л., 1931. С. 151–152.

¹³ Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982. С. 418, ст. «Сафа».

¹⁴ Аджинджал И.Е. Из этнографии Абхазии. Сухуми, 1969. С. 264–265.

¹⁵ Шиллинг Е.М. Ингуши и чеченцы // РВН. Т. 2. М.; Л., 1931. С. 11.

¹⁶ Плисецкий М.С. Указ. раб.

¹⁷ Аджинджал Т.Е. Указ. раб. С. 268.

¹⁸ Калоев Б.А. Похоронные обычаи и обряды осетин в XVIII – начале XX века // Кавказский этнографический сборник. Вып. VIII. М., 1984. С. 85–86.

¹⁹ Акаба Л.Х. Указ. раб. С. 175.

²⁰ Инал-ипа Ш.Д. Абхазы. Сухуми, 1965. С. 531.

D.K. Chakhaliya. An Abkhazian Sacred Thing in the City of Sochi (Worship of the Hearth Chain in Caucasus)

The worship of the hearth chain by some of the Caucasian peoples is well described in the ethnographic literature. Usually this tradition is interpreted within the context of pre-Christian religious beliefs. The author of the article pays attention to the integration of the tradition into the local Christian Orthodox beliefs and points out three major aspects of rethinking of this cultural element: 1) as a part of the apostle Piotr cult; 2) as an attribute of the monks' obedience; 3) as a symbol of the Saint–Sophia who personalized the Hearth, Fire and Light.